

АГНЕС ДУККОН
(Будапешт, Венгрия)

**Заметки к переписке Н. М. Карамзина
в контексте сравнительной литературы**

Аннотация: Настоящая статья исследует письма Н. М. Карамзина к поэту И. И. Дмитриеву, написанные в период между 1787 и 1826 годами. Цель автора – раскрыть и изучить переплетения частной жизни, литературы и истории в этой переписке и указать на параллели и общие мотивы в романе «Свобода под снегом» венгерского писателя поздней романтики Мора Йокаи. В центре романа о декабристском восстании стоят такие исторические фигуры, как Александр I и Пушкин. Автор статьи прослеживает интерференции между литературными образами и реальными личностями, появляющимися в письмах Карамзина, и устанавливает, что сходство объясняется общей духовной настроенностью двух авторов и хорошей осведомленностью Йокаи в русской истории.

Ключевые слова: переписка, Карамзин, Дмитриев, Пушкин, Мор Йокаи, декабристы, Александр I

Переписка Н. М. Карамзина со своим другом, поэтом И. И. Дмитриевым, охватывает почти сорок лет: письменный диалог между ними продолжался с 1787 по 1826 годы. После смерти Карамзина Дмитриев собрал письма в трех тетрадах, а в четвертую включил те, которые он получил от жены и дочерей писателя. Это наследство служило основой – вместе с другими документами – для юбилейного сборника, появившегося в 1866 г. под редакцией двух знаменитых филологов того времени, Я. Грота и П. Пекарского (КАРАМЗИН 1866). Книга была снабжена и подробными примечаниями, благодаря чему она представляет собой очень ценный источник для изучения творчества и биографии Карамзина, а также быта и исторических событий в России первых десятилетий XIX века. К сожалению, письма Дмитриева к Карамзину не сохранились, таким образом, из сорокалетнего письменного диалога двух литераторов остался для нас лишь один голос. Правда, со стороны Дмитриева тоже имеется документ об их дружбе, так сказать, в монологическом жанре: в 1825 году, за год до смерти Карамзина, Дмитриев написал мемуары «Взгляд на мою жизнь». В их переписке последних лет Карамзин часто побуждал своего друга работать прилежно над воспоминаниями и просил его пересылать копии готовых глав. Мемуары

были полностью опубликованы впервые лишь в 1866 году, потом переизданы в последней четверти XX века (ДМИТРИЕВ 1986).

Еще в XIX веке началось научное изучение творчества Карамзина, появились ранее неизданные сочинения и переписка (КАРАМЗИН 1862), материалы для биографии (ПОГОДИН 1866) и исследование «Писем русского путешественника» (СИПОВСКИЙ 1899). В XX веке продолжалось изучение и осмысление произведений и биографии писателя, но часто это совершалось по идеологическим требованиям эпохи. Однако из «общего хора» все-таки выделяются и замечательные работы, как, например, книга Юрия Лотмана «Сотворение Карамзина», в которой автор использует в том числе и издание писем к Дмитриеву, чтобы создать – по словам Б. Егорова в предисловии – «биографию души» (ЛОТМАН 1987: 7–10). Время от времени переиздавались сочинения Карамзина, а новое издание писем к Дмитриеву не состоялось; из них в сборники избранных произведений писателя были включены лишь отдельные части. В самом конце XX века началось издание «Полного собрания сочинений в 18-ти томах» (КАРАМЗИН 1998–2008), и последний том содержит эпистолярное наследие, то есть переписку с членами царствующего дома, литераторами и другими деятелями культуры, государственными лицами и родными. В первые десятилетия XXI века внимание исследователей сосредоточивается также главным образом на самых известных сочинениях Карамзина (рассказы, поэзия, «Письма русского путешественника», «История государства Российского»), переписка же в отдельности возбуждает гораздо меньший интерес. Перечитывая корпус писем к Дмитриеву, мы убедились, что из этого источника все еще можно черпать ценные подробности не только к истории русской литературы, но также к личности Карамзина, как это доказывает работа Лотмана. Из корреспонденции двух поэтов-приятелей вырисовывается интересная картина о быте и событиях последнего десятилетия XVIII и первой четверти XIX веков в зеркале души Карамзина. В письмах к Дмитриеву отражается сложное переплетение частной жизни, литературной деятельности, философских размышлений о политике и рассуждений о знаменитых личностях эпохи, таким образом, перед читателем раскрывается богатая духовная и душевная жизнь Карамзина. О событиях жизни Дмитриева, о его характере и мыслях мы получаем лишь посредственную информацию из ответов Карамзина, когда он реагирует на разнообразные актуальные вести и сведения своего друга. Так как Дмитриев был не только литератором, но и занимал важные государственные должности, был сенатором, министром юстиции, а с 1797 – членом Российской академии, в переписке появляются имена важных исторических фигур (царь Александр I и его двор) и выдающихся поэтов и писателей того времени (среди них Фонвизин, Державин, Жуковский, Пушкин), а также рассуждения о дипломатических связях и международных политических событиях.

Литературная деятельность Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837) началась во второй половине 1770-х гг.: первые его сочинения, маленькие сатирические стихотворения, появились в 1777 г. в журнале Николая Новикова «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Знакомство и сотрудничество с Карамзиным – которому, кстати, он доводился и дальним родственником – с 1783 года действует благотворно на творчество Дмитриева: он публикует стихотворения в журналах и альманахах Карамзина (в «Московском журнале», «Аглае» и «Аонидах»), читает книги французских писателей, изучает греческих и римских поэтов во французском переводе. Кроме лирической поэзии в творчестве Дмитриева важное место занимают басни. Современники называли его «русским Ла Фонтеном». Дмитриев побуждал и Крылова заниматься этим жанром. В 1814 г. Дмитриев вышел в отставку и переселился в Москву – как раз в то время, когда Карамзин со своей семьей оставил Москву и поселился в Петербурге, чтобы лучше продвигаться вперед в работе над «Историей государства Российского». С этого времени заметно растет интенсивность переписки между друзьями, и содержание писем верно отражает семейные дела Карамзина (рождение, болезни и смерть детей, собственные болезни, всякие ежедневные проблемы), перипетии с печатанием томов «Истории...» и подробные извещения о придворной жизни. Карамзин уважал Александра I, с которым иногда дискутировал о готовящихся главах книги, и имел хорошие связи с царствующей фамилией: писатель часто упоминает встречи с матерью и женой царя, прогулки в Павловске, балы и праздники в Петербурге. Из его писем вырисовывается симпатичный образ государя; Карамзин показывает скорее человека, а не императора, или лучше сказать, близкого человека в царствующей особе. Интимность их отношений выражается во многих письмах. Приведем несколько примеров:

3-го авг. 1816, Царское Село:

«Мы два раза обедали у Государя; вчера звали в третий раз, но, к сожалению, я был в городе, а Катерина Анд. не решилась идти одна во Дворец. Не можем нахвалиться любезною приветливостью милостивого Императора и всей Царской Фамилии. В Павловске бываем и в воскресенье и в простые дни, раза два в неделю; т. е. обедаем. Ласкают равно и меня и жену. Одним словом, здесь не знаю ничего милее Царско-сельских и Павловских Хозяев» (КАРАМЗИН 1866: 193).

18-го Генв. 1817 Санкт-Петербург:

«Мы были 13 Генв. на бале до второго часу. Император танцевал с моею женою однажды, а с некоторыми дамами по два раза. Ныне спектакль у вдов. Императрицы: думаю быть там» (КАРАМЗИН 1866: 204).

21-го авг. 1817, Царское Село:

«Ныне у нас крестница. Мы могли бы покумиться с императорскою фамилиею, но не хотел трудить ни Государя ни Императрицы. Это не прибавило бы Их к нам милости, а подарков не желаем» (КАРАМЗИН 1866: 220).

Можно было бы еще продолжать цитаты, которые свидетельствуют о близкой связи семейства Карамзина с царствующей фамилией, а по последней цитате видно и то, что писатель сумел сохранить достоинство и независимость по отношению к высокопоставленным особам, уважение и любовь не перешли у него в подобострастие.

В настоящей статье мы обращаем внимание на моменты формирования портрета царя в письмах Карамзина в течение десяти лет их близкого знакомства, и на отношение этого портрета к тому, который появляется в иностранной литературной и мемуарной традиции XIX века. Для нас стала интересной эта тема из-за близости «карамзинского Александра» с образом царя в венгерском историческом романе Мора Йокаи «Свобода под снегом, или Зеленая книга» [„Szabadság a hó alatt avagy a Zöld könyv”, Budapest, 1879].¹ Первый перевод на русском языке в сокращенном и незаконченном виде вышел под заглавием «В стране снегов» в Санкт-Петербурге в журнале графа Е. А. Салиаса-де-Турнемира «Полярная Звезда» за 1881 г. После 6-го номера журнал перестал выходить в свет, таким образом прекратилась и публикация первого русского варианта романа, по всей вероятности, из-за «проблематичного» сюжета: в центре действия стоит декабристское восстание и роль Пушкина в этом движении, которое в России до 1870-х годов не могло быть предметом литературных и исторических толкований, и подход к этому вопросу в последующие десятилетия имел характер щекотливого. (JÓKAI 1965: 269)

Перед дальнейшим разбором карамзинских писем, содержащих упоминания и сведения об Александре I и Пушкине, рассмотрим источники Йокаи в связи с русской историей первой трети XIX века и с характером царя, чтобы выявить общие черты и некоторую схожесть авторских отношений к своим «героям» – к действительной, исторической личности со стороны Карамзина и к литературному образу у венгерского писателя.

В рукописном наследии Йокаи, в архиве Национальной Библиотеки им. Сечени (Országos Széchényi Könyvtár, Budapest) хранятся записные книжки писателя. В тетрадях за 1875–1876 г. находятся примечания и выписки из разных книг к готовящемуся роману. По свидетельству этих записок видно, что писатель очень основательно изучал французские и немецкие издания различных исторических и беллетристических произведений. Среди них можно упомянуть роман Александра Дюма-

¹ Академическое критическое издание было подготовлено и снабжено с обильными примечаниями исследователем Жужанной Зельдхейи-Деак (JÓKAI 1965).

отца «Записки учителя фехтования, или восемнадцать месяцев в С.-Петербурге» (*Mémoires d'un maître d'armes, ou dix-huit mois à Saint-Pétersbourg*, 1840), созданный на основе дневника учителя фехтования в Москве А. Гризье. В центре романа Дюма стоит «история декабриста Ивана Александровича Анненкова и его жены Прасковьи Егоровны Анненковой, урожденной Полины Гебль. (...) Источник [т. е. дневник Гризье – А. Д.], откуда Дюма почерпнул сведения о трогательной любви француженки-модистки Полины Гебль к конногвардейскому офицеру И. А. Анненкову, с которым она разделила жизнь в Сибири на каторге, назвала сама в своих записках» (ДУРЫЛИН 1937: 512). По мнению Полины Гебль, в книге Дюма много извращений и неточностей в связи с декабристами, но Дурылин, основательно исследовавший эту тему, считает заслугой французского писателя, что декабристское восстание по его роману стало известным в широких читательских кругах Европы:

«И все же, несмотря на эти и на многие другие извращения исторических пропорций и фактов, роман Дюма был повествованием о декабристе, основанным не на вымысле, а на исторической правде, и повествованию этому, вышедшему из-под пера популярнейшего писателя современности, был обеспечен успех и внимание широкого европейского читателя» (ДУРЫЛИН 1937 : 513).

Таким образом, произведение Дюма попало и в руки Йокаи. Некоторые ошибки и неточности в связи с русской историей повторяются и в романе «Свобода под снегом». Кроме этого, Йокаи использовал и другие исторические работы и описания страны.² По свидетельству записных книжек и авторских комментариев, венгерский писатель черпал к своему роману основные данные из следующих произведений:

1/ D. E. Lloyd: *Alexander der Erste Kaiser von Russland, oder Skizze seines Lebens und wichtigsten Begebenheiten seiner Regierung. Aus dem Englischen*, Stuttgart, 1826.

2/ Dupré de Saint-Maure: *Pétersbourg, Moscou et les provinces ou observations sur les moeurs et les usages russes au commencement du XIX siècle*, Paris, 1830, I–II.

3/ Johann Heinrich Schnitzler: *Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas*, Paris, 1847.

² Мы перечисляем источники Йокаи на основе примечаний к критическому изданию (ЙОКАИ 1965: 231–253). Здесь фигурируют лишь книги и другие, появившиеся в печати документы, но известно, что Йокаи имел и серьезные дружеские знакомства с выдающимися художниками, обладающими конкретными знаниями о Российской империи. Среди них были знаменитые живописцы, Михай Зичи (1827–1906), Михай Мункачи (1844–1900) и великий композитор Ференц Лист (1911–1886) (ГЕРАСИМОВА 2014: 147).

4/ Magnus Jakob von Crusenstolpe: Der Russische Hof von Peter I. bis auf Nicolaus I. Deutsche Original Ausgabe, Hamburg, 1855–1860, I–VI.

5/ William Herpworth Dixon: La Russie libre. Paris, 1873.

Общей чертой этих книг является положительное, иногда даже идеализированное представление о России и Александре I. В книге Ллойда рассказывается о поездке царя в Крым, о его болезни и смерти – о чем пишет и Карамзин в своих письмах, и Йокаи в романе «Свобода под снегом». Дюпре де Сент-Мор имеет личный опыт о жизни и культуре России: после падения Наполеона он оставил свою родину, поехал в Россию и долгие годы жил там, издавал антологию русских поэтов и описание путешествия под заглавием *L'Hermit en Russie* – также с очень положительной оценкой. Йоганн Шницлер представляет Александра I в выгодном свете, однако подчеркивает отрицательное влияние Аракчеева на него в последние годы царствования – мотив, который появляется и у Йокаи. Важно заметить и то, что немецкий автор дает довольно дифференцированную картину о декабристах: он критикует фанатических представителей (Якубовича, Каховского), но с симпатией упоминает Бестужева и братьев Муравьевых-Апостолов, как и Йокаи вслед за ним. Крузенстолп и Диксон сообщают пестрый материал о жизни и культуре России, об Александре и великом князе Константине. Влияние этих авторов также отражается в романе венгерского писателя. Йокаи знал и использовал произведения о России, содержащие негативные, критические оценки. В их числе можно назвать книгу маркиза де Кюстена (*La Russie en 1839*, Bruxelles 1843) и Фредерика Лакруа (*Les mystères de la Russie*, Paris, 1845). Последний автор дает особенно отрицательную картину о Российской империи под влиянием враждебных русско-французских отношений. Политические, дипломатические и военные события эпохи, союзы и конфликты заметно определяют восприятие русской культуры, концепцию тех авторов, которые посвящали работы русской истории и действительности. Интересно проследить, как чередуются положительные и отрицательные стереотипы о России в книгах западных авторов, но тем более любопытно заметить, когда тот или иной автор – несмотря на сложность ориентации в документах – сумеет построить независимую концепцию, захватить верные черты определенной исторической личности, хотя и с неточностями в деталях, но правильные в общем понимании. Мы считаем таким писателем и Мора Йокаи: на основе противоречивых мнений и предвзятых суждений о Российской империи ему удалось показать Александра I, декабристское движение и даже Пушкина в общих чертах верно, но с романтическими преувеличениями в подробностях. «Русская тема», как и турецкие сюжеты, для Йокаи обозначали восточную экзотику, из чего его богатая фантазия могла творить необыкновенные сочетания вымысла и действительности. Любопытно процитировать мнение исследователя Г. П. Герасимовой о том, как Йокаи мог найти «узкий путь» к правдивому

пониманию декабристской темы и в связи с ней – к сущности «украинского вопроса»:

«В романе "Свобода под снегом" Йокаи довольно верно воспроизводит деятельность тайных декабристских обществ, действовавших в Украине, – Южного и "Общества соединённых славян". Он сообщает об их планах, о доносе капитана Майбороды, переданном царю через генерала Рота, об аресте Пестеля, а также о героическом походе восставшего Черниговского полка, о чём, кстати, в России до 1871 г. не было известно почти ничего. [...]. Однако большой заслугой Йокаи следует считать тот непреложный факт, что уже самим обращением к украинской тематике он привлекал внимание к Украине, пробуждал интерес у своих читателей к её жизни, её истории, хотя преследовал при этом свои общественно-политические цели. [...] А это означает, что он имел свою собственную точку зрения на существование украинской нации как самостоятельного, отличного от русских этнического образования, имеющего право на свою государственность, что лишней раз доказывает его историческую прозорливость» (ГЕРАСИМОВА 2014: 156).

Именно эта «историческая прозорливость» помогала писателю реконструировать в исторических персонажах реальные черты характера, несмотря на недостатки документов. После разбора литературных предпосылок «Свободы под снегом» Йокаи мы вернемся к вопросу изображения Александра I и Пушкина в его романе, чтобы указать на похожие черты действительных личностей, запечатленные Карамзиным в письмах.

В главе «Царь улыбался!» изображается разговор царя с Пушкиным на праздничном приеме в Зимнем Дворце по поводу ссоры с цензором из-за бессмысленных искажений поэмы «Цыганы».³ Ситуация очень напряженна, высшее общество, все гости ожидают осуждения поэта, даже заранее выказывают презрение и злорадство к нему. Но Александр I, вопреки ожиданиям, помогает Пушкину положительно разрешить дело: чтобы не нанести ущерб авторитету цензуры, он предлагает напечатать поэму в Лейпциге и привезти обратно в Россию царской почтой. В разговоре речь идет и об эстетических ценностях поэмы, и таким образом свет падает не только на вкус и образованность царя, но и на его справедливость и благосклонность к подданным – почти как в сказках. Если же мы приведем свидетельство Карамзина о том, как он и Дмитриев старались помочь молодому Пушкину избежать серьезного наказания из-за «вольных» стихотворений и как царь акцептировал их покровительство, мы можем убедиться, что в изображении этой ситуации у Йокаи

³ Йокаи очень любил эту поэму Пушкина, и сам готовил перевод, который он сообщил в приложении романа. «Бахчисарайский фонтан» и ода «Вольность» также играют важную роль в романе.

есть доля «эпической правды». Из писем от 19-го апреля и 7-го июня 1820 года можно узнать следующие факты:

«А над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменами Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч. и проч. Это узнала Полиция, etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде; однакожь, из жалости к таланту замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет. Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство и великодушие» (КАРАМЗИН 1866: 287).

«В прежних письмах я забыл сказать тебе, что ты, по моему мнению, не отдаешь справедливость таланту или поэмке молодого Пушкина, сравнивая ее с Энеидой Осипова: в ней есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все сметано на живую нитку. Его простили за эпиграммы и за оду на вольность; дозволили ему ехать в Крым и дали на дорогу 1000 рублей. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее; по крайней мере дал мне слово на два года» (КАРАМЗИН 1866: 290).

Мотив «освобождения от цензуры» появляется и в жизни Карамзина: когда том IX «Истории государства Российского» был готов к печати, он опасался задержки со стороны цензора из-за описания тиранства Ивана Грозного. Он обратился к царю, и о результате пишет Дмитриеву 2-го ноября 1816 г.:

«Между тем Государь освободил меня от цензуры; но я не видел Его, и только однажды обедал у Императрицы вдовствующей» (КАРАМЗИН 1866: 199).

Из биографии Пушкина известны причины и обстоятельства его южной ссылки, неосторожное поведение, вольнолюбивые стихи, колкие эпиграммы против некоторых представителей власти (и в том числе против Аракчеева), но письма Карамзина показывают эти факты в прозаическом освещении, без романтического ореола над головой Пушкина. Либерализм «без геройства и великодушия», как пишет Карамзин, характеризует молодое поколение: высокие и отвлеченные идеалы свободы и нерассудительные поступки, бунт против власти и принятие милости из этого же источника. Известно также, что молодой поэт в конце 1810-х гг. написал острые эпиграммы против самого Карамзина, высмеял

«консервативного историографа», но позже вынужден был объясняться и признал авторство лишь одной эпиграммы (ТОМАШЕВСКИЙ 1956). Несмотря на эти взаимные критические, со стороны Карамзина иногда негодующие высказывания, между ними сохранились дружеские отношения. Пушкин знал и уважал Дмитриева с детских лет, что отражается и в их переписке 1830-х гг., а к Карамзину и его семейству он относится до конца жизни почтительно (ПЕРЕПИСКА ПУШКИНА 1982 II: 293).

В романе Йокаи тоже появляются знакомые моменты из биографии Пушкина: молодой, талантливый поэт, который знает себе цену; любит веселиться, умеет очаровать окружение, особенно дам, и свойственны ему некоторое легкомыслие, вызов и влечение к опасности. Йокаи использовал предисловие Фридриха Боденштедта (1819–1892) в немецком издании стихотворений Пушкина, Лермонтова и Фета: переводчик знакомит читателей с биографией Пушкина, из которой Йокаи черпал факты к литературному образу поэта (ЗЁЛЬДХЕЙИ-ДЕАК 2004: 56). Венгерский писатель создал симпатичную фигуру, ведь в книге Боденштедта он читал не только биографию, но и произведения Пушкина, высоко ценил их, и знал, что его литературный герой в общем должен походить на «оригинала». Романтический колорит, вымышленные приключения и любовные интриги показывают фиктивного Пушкина в несколько фантастическом, опереточном виде, но ум, талант и благородство преобладают в его образе. И как мы читаем в письмах Карамзина, двойственность личности – это настоящая черта: с одной стороны гениальность, с другой «нерассудительность» в поступках. Еще один пример из письма от 25 сентября 1822 г.:

«В поэме Либерала Пушкина слог живописен: я недоволен только любовными похождениями. Талант действительно прекрасной: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия» (КАРАМЗИН 1866: 337).

Сцена «освобождения от цензуры» появляется в реальной жизни Пушкина с изнаночной стороны: император Николай I призвал поэта из Михайловского к личной аудиенции 8 сентября 1826 г., чтобы освободить его от домашней ссылки и предложить ему быть союзником новой государственной политики. Так как перспектива императорской программы, план правительственных преобразований, изложенные Николаем I, совпали с убеждениями Пушкина, он принял предложение. В этой ситуации прозвучало знаменитое обещание царя освободить поэта от обычной цензуры: «Я сам буду твоим цензором». Известны тяжелые последствия этого «примирения с правительством» в жизни Пушкина (ЛОТМАН 1983: 139), мы здесь хотели лишь направить внимание на ин-

тересные вариации романного и действительного сценария «освобождения от цензуры».

Важным моментом в романе Йокаи является и двойственность характера Александра I: в роли государя он оказывается авторитетной, но несколько скрытной личностью, а в частной жизни, особенно по отношению к внебрачной дочери, милой и больной Софии Нарышкиной, мы видим нежного, любящего отца, выказывающего глубокие чувства. Автор показывает своего героя не только в отцовских, но и в других семейных связях, и положительные оттенки до конца остаются вокруг него. В главе «Брачный подарок» писатель очень эффектно рисует, как принимает участие царь в организации свадьбы Софии с Пушкиным. На апогее приготовлений Александр спрашивает жениха, какого приданого тот желает с невестой, и Пушкин отвечает: «Отец, дай конституцию твоим народам!» В продолжении Пушкин с пафосом перечисляет самые важные распоряжения, например удаление Аракчеева от власти, освобождение крепостных, упразднение цензуры; он просит императора послать войска помогать грекам в борьбе против турецкого ига, пригласить к службе правительства честных, благородных людей, отнять дело народного просвещения от Святого Синода и т. д. В конце речи звучит ключевое слово романа: «Дай нам свободы – и добудь себе славы!» Царь немедленно дает приказ исполнять просьбы – и читатель вдруг чувствует себя на грани двух миров: действительного и сказочного (т. е. желаемого). Йокаи играет с возможностью: как формировалась бы судьба России, если бы «сказочный сценарий» реализовался? Но под верхним слоем ситуации – как в палимпсесте – скрываются реальные проблемы русской истории в преддверии декабристского восстания. И в дальнейшем Йокаи так связывает в один узел исторические лица и события с фиктивными элементами, с яркими сценами из придворного мира и кабацкой черни, а также с приключенческими эпизодами укрывания «Зеленой книги», содержащей имена заговорщиков.

С вершины счастливой перспективы моментально падает вниз великий план реформ, исполнение желаний. «Сказочная» оболочка сцены разрывается: смерть Софии так сразила царя, что у него не остается сил взять верх и продолжать преобразования правительства – и, таким образом, опять побеждают злые силы, символ их, Аракчеев, снова возвращается в правительство, дух бунта в армии и народе усиливается, и путь ведет прямо к декабристскому восстанию. Но перед его взрывом писатель еще прослеживает царя по роковому пути в Крым, где он и умирает. Письмо Карамзина от 1-го декабря 1825 г. о смерти Александра по настроению очень близко подходит к этой части романа:

«Любезнейший друг! Мы не имели времени приготовиться к удару: изумились и хотели бы плакать еще больше, нежели плачем, если бы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности к не-

забвенному для нас Александру. Он еще действует на мою судьбу земную: Его Мать добродетельная, Брат, Великие Княгини верят моей искренней, чистой к Нему любви, и видят меня, чтобы плакать вместе. Союз печали имеет свою сладость [...] Пишу тебе единственно для того, чтобы прижать тебя к сердцу в горести глубокой. Я равнодушен к судьбе России; но теперь сердце занимается только жалостью, что не стало того, кого мы любили! Будь здоров, милый друг. Навеки твой Н. Карамзин» (КАРАМЗИН 1866: 410).

В главах о путешествии царя в Крым и о его смерти опять переплетаются сказочные, живописные сцены с приближающимися тучами настоящей истории. В конце романа, в короткой главе «Деревяшки долой!», описываются события, предшествующие бунту: проблемы престолонаследия, неопределенность при Дворе, а потом сцены восстания, в описании которых Йокаи точно следует своим источникам. Некоторые моменты романа перекликаются с описанием декабрьских событий в письмах Карамзина. Так пишет свидетель к своему другу 19 декабря 1825 года:

«Любезный друг! Мы здоровы после здешней тревоги 14. Дек. Я был во Дворце с дочерьми, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый Император оказал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела разсеяли безумцев с Полярною Звездой,⁴ Бестужевым, Рылевым и достойными их клеветами. Милая моя жена нездоровая прискакала к нам во дворец около семи часов вечера. Я, мирный Историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крест, ни Митрополит не действовали. Как скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: „для чего я женщина в эту минуту!“ Добродетельная Императрица Мария говорила: „Что скажет Европа!“ Я сучился подле них: чувствовал живо, сильно, но сам дивился спокойствию своей души странной; опасность под носом уже для меня не опасность, а рок, и не смущает сердце: смотришь ей прямо в глаза с какою-то тишиною. В большой зале Дворца толпа знати час от часу редела; однакожь все было тихо и пристойно» (КАРАМЗИН 1866: 411–412).

Карамзин явно и последовательно выражал свое несогласие с радикальными идеями молодого поколения, в письмах часто критиковал «безумных либералов». Он считал конституционную монархию для

⁴ «Полярная Звезда» декабристов под редакцией Бестужева и Рыльева выходила с 1823 по 1825 г.

России подходящим государственным строем, а в политике одобрял умеренно-либеральное направление. В молодости, будучи свидетелем французской революции в Париже весной 1790 года, он понял, что мятеж и революция ведут лишь к новому тиранству, но не решают основных проблем государства. Что касается концепции Йокаи, тут опять можем заметить некоторую параллель: «Свободолюбивый кумир Венгрии, достоверно воспроизводя эпохи бурного прошлого своей родины», как характеризует его Г. П. Герасимова (ГЕРАСИМОВА 2014: 147), в изображении декабристского восстания дает почувствовать глубокие противоречия истории. С одной стороны, он подтверждает справедливые стремления к реформам, неизбежность модернизации страны, с другой – указывает на опасность анархии, когда преобразования хотят достичь насилием. Как Йокаи, так и Карамзин по собственному опыту знали, что такое революция, в молодости они не только были свидетелями революции, но венгерский писатель и сам участвовал в событиях 1848-1849 года, а в зрелом возрасте оба пришли к убеждению, что постепенные реформы вместо радикальных переворотов и восстаний больше способствуют уравновешенному развитию государства.

В конечном итоге можно установить, что из параллельного чтения романа Йокаи и писем Карамзина открывается до сих пор неиспользованная возможность исследовать поэтику венгерского писателя с новой точки зрения и выявить в эпистолярной прозе русского Историографа литературные мотивы и краски, освещающие концепцию венгерского романа с новой стороны. Кроме исторических и литературных фактов в переписке Карамзина открывается и внутренний, духовный мир писателя с его рефлексиями на «живую жизнь». Мы видим преемственность между этими документами жизни и ранней его прозой, в которой уже появляется главная писательская цель автора: изобразить внутренние душевные состояния человека. В настоящей статье мы старались указать на главные моменты связей жизни и литературы в компаративном аспекте, и на возможные перспективы дальнейшего анализа.

Литература

- ГЕРАСИМОВА 2014 = ГЕРАСИМОВА Г.П. Мор Йокаи и Украина // Науковий вісник Ужгородського університету, серія «Історія», вип. 1 (32), 2014.
- ДМИТРИЕВ 1986 = ДМИТРИЕВ И.И. Взгляд на мою жизнь // Записки д. т. с. Ивана Ивановича Дмитриева: В 3 ч. [Предисл.: Мих. Дмитриев; Общ. прим. ко всем 3 ч. сост. М.Н. Лонгиновым]. Москва: изд. М.А. Дмитриев, 1866.
- ДУРЫЛИН 1937 = ДУРЫЛИН С.Н. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство [Русская культура и Франция. II] Том 31/32: Пригот. С.А. Макашин. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. 491–562.
- ЗЁЛЬДХЕЙИ-ДЕАК 2004 = ЗЁЛЬДХЕЙИ-ДЕАК Ж. Роль немецкого посредничества в венгерской рецепции русской литературы (XIX век). München: Verlag Otto Sagner, 2004.

- КАРАМЗИН 1862 = КАРАМЗИН Н.М. Неизданные сочинения и переписка. Часть I. Спб: 1862.
- КАРАМЗИН 1866 = КАРАМЗИН Н.М. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. Издание II-го Отделения Императорской Академии наук. Издали с примечаниями и указателем Я. Грот и П. Пекарский. Санктпетербург: 1866.
- КАРАМЗИН 1998–2008 = КАРАМЗИН Н.М. Полное собрание сочинений в 18-ти томах. Москва: изд. «Тerra», 1998–2008.
- ЛОТМАН 1983 = ЛОТМАН Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Ленинград: «Просвещение», Ленинградское отделение, 1983.
- ЛОТМАН 1987 = ЛОТМАН Ю.М. Сотворение Карамзина. Москва: «Книга» 1987.
- ПЕРЕПИСКА ПУШКИНА 1982 = Переписка А.С. Пушкина в двух томах. Сост. и комм. В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон, И.Б. Мышина, М.А. Турьян. Москва: «Художественная литература», 1982.
- ПОГОДИН 1866 = ПОГОДИН М.П. Н.М. Карамзин. Материалы для биографии. Часть 2, МОСКВА: Тип. Мамонтова, 1866.
- СИПОВСКИЙ 1899 = СИПОВСКИЙ В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». Санкт-Петербург: 1899.
- ТОМАШЕВСКИЙ 1956 = ТОМАШЕВСКИЙ Б.В. Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: Исследования и материалы. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. 208–215.
- JÓKAI 1965 = JÓKAI M. Szabadság a hó alatt avagy a Zöld könyv. S. a. r. D. Zöldhelyi Zsuzsa. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. Jegyzetek: 234–272.

The Notes to the Correspondence of N. M. Karamzin – In the Context of Comparative Literature. This paper treats the letters of N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev, written between 1787 and 1826. The aim of the author is to investigate the connections of private life, literature and history in the correspondence of the two poets and point out the common motifs with the novel of the Hungarian writer, Mór Jókai Freedom under the snow (1879). The novel deals with the revolt of decabrists in 1825, in which the real historical figures, like tsar Alexander I and Pushkin, play an important role. The author of the paper comes to the conclusion that the similarities in the characters can be interpreted as the common spiritual attitude of Karamzin and Jókai, and in the other hand, as the Hungarian writer's great interest in the Russian history and his profound knowledge in that area.

Keywords: correspondence, Karamzin, Dmitriev, Pushkin, Jókai Mór, decabrists, Alexander I.